

ПЕРЕВОД В СУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

АННОТАЦИЯ

С точки зрения практики, рассмотрена проблематика перевода в судебном уголовном процессе, дано его формальное определение и выявлены свойства с позиций правоприменения. Рекомендованы пути привлечения переводчика в процесс и проверки его компетентности. Приведены способы разрешения процессуальных конфликтов, связанных с переводом. Изложение иллюстрировано примерами из судебной практики.

Автор: Винников Алексей Вениаминович – директор экспертно-переводческой организации «Открытый мир» г. Ростов-на-Дону.

В условиях интенсивных миграционных процессов в современной России, как следствия мировой глобализации, возрастает число правонарушений, совершаемых с участием лиц, не владеющих или недостаточно владеющих русским языком. Растет частота обращения к [судебному переводу](#) в судебных заседаниях и потребность в нем.

Многочисленные пробелы в законодательном регулировании этого особого вида деятельности порождают серьезные юридические конфликты, с которыми встречаются судьи и иные участники уголовного процесса в случае необходимости привлечения в уголовный процесс переводчика. Их разрешение за счет механического переноса российской почву институтов присяжных и судебных переводчиков, существующие в развитых странах Европы и в США неприемлемо.

Настоящие методические рекомендации обобщают эмпирику применения судебного перевода на территории ЮФО и других субъектов

Российской Федерации на основании опыта независимой судебно-переводческой экспертной организации, обобщения аналогичного зарубежного опыта и изучения судебной практики.

1. Классификация и свойства судебного перевода

В зависимости от целевого применения, перевод разделяется на два класса:

А) Перевод как средство получения доказательств. Применяется для перевода документальных доказательств по делу с иностранных языков на русский язык. Пример: ходатайство защиты об исключении недопустимых доказательств в Хамовнический районный суд города Москвы по делу в отношении Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. Ссылаясь на дефекты перевода, выполненного с искажением смысла первоисточников, защита требовала исключения переведенных с иностранного языка на русский язык документов из числа допустимых доказательств.

Б) Перевод как средство обеспечения конституционного права гражданина знать, в чем его обвиняют. Применяется в случае незнания или недостаточного владения подсудимым, подозреваемым или обвиняемым русским языком – языком судопроизводства в РФ.

Разница между этими двумя классами принципиальна, ее игнорирование может привести к неблагоприятным последствиям: неправосудным решениям судов и даже к вынужденному освобождению подсудимых. Вот случай из судебной практики.

В 2008 г. Верховный суд Карелии слушал резонансное уголовное дело в отношении нескольких граждан чеченской национальности **о массовой драке в Кондопоге**. Письменный перевод процессуальных документов с русского языка на чеченский язык был поручен бюро судебных переводов. Благодаря стараниям защиты подсудимых, в готовом переводе обвинительного заключения и постановления о привлечении в качестве обвиняемых обнаружили следы процессуальных нарушений.

Возник процессуальный конфликт, причиной которого явилось незнание участниками процесса сущности судебного перевода. Дело оказалось на грани развала, а подсудимые – на пороге освобождения, т.к. защита настаивала на исключении этих переводов из числа допустимых доказательств по делу и возврате дела в следственные органы. Наконец, участники процесса заметили, что перевод обвинительного заключения и постановления о привлечении в качестве обвиняемого относится к классу (Б) по нашей классификации и, в отличие от переводов группы (А), не может считаться доказательством. Однако уже было потеряно время на допросы свидетелей и производство экспертизы.

Дальнейшее исследование понятия письменного судебного перевода класса (Б) указывает на некоторые его важные свойства: а) отсутствие норм права, регламентирующих оформление письменного перевода класса (Б); б) отсутствие прямого указания закона на процессуальную форму письменного перевода (Б), что свидетельствует о том, что процессуальным документом он не является; в) в связи с тем, что письменный перевод (Б) процессуального

документа, написанного на русском языке, сам процессуальным документом не является, а также в связи с отсутствием установленного порядка оформления, письменный перевод процессуального документа, написанного на русском языке, юридической силы не имеет; г)единственным требованием закона (ч.3 ст.59 УПК РФ) к письменному переводу процессуальных документов является достоверность перевода и его верность оригиналу.

Изложенное показывает, что наиболее распространенный письменный судебный перевод вида (Б), именуемый в дальнейшем «судебный перевод», обнаруживает очень специфические свойства, знание которых имеет для судебной практики заметное значение.

2. Особенности судебного перевода

УПК РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ упоминает о переводчике как об одном из иных участников уголовного процесса и четко регламентирует индивидуальный порядок его привлечения: о назначении лица переводчиком судья выносит постановление, а суд – определение (ч.2 ст.59 УПК РФ). Одновременно статьи 69,70,71 УПК РФ предусматривают возможность отвода переводчиков прокурором или судом. Услуги судебного переводчика оказываются гражданам за счет федерального бюджета в целях охраны их прав и свобод, а не для удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Все положения УПК РФ имеют конституционный приоритет перед другими законами в рамках уголовного судопроизводства и являются обязательными для судов, органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и иных участников уголовного судопроизводства. Это фактически исключает возможность применения к отношениям, связанным с привлечением переводчиков в качестве участников уголовного судопроизводства, положений Закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005г. №94-ФЗ, т.е. проведение конкурсов, тендеров и т.п. Такое разъяснение дано Письмом от 18 сентября 2007г. № 14026-ФП/Д04 Минэкономразвития РФ.

Иными словами, законодатель в данном случае запрещает конкурсное производство в смысле Закона №94-ФЗ во избежание конфликта – коллизии УПК РФ и неcodифицированного Закона №94-ФЗ российского законодательства.

Российский процессуальный закон имеет в виду только переводчиков – физических лиц. Однако работа с ними непосредственно может стать крайне затруднительной для судов. Совокупность востребованных в уголовной практике языков отличается пестротой и структурной неустойчивостью. Последнее обстоятельство исключает возможность прогнозирования и планирования потребности в судебных переводчиках и их централизованной подготовки. Часто встречаются экзотические языки народов России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Например, на Юге России трудно найти и привлечь к сотрудничеству с судами [переводчиков цыганского](#), сванского, мегрельского, чувашского, чеченского, ингушского, езидского, литовского, эстонского, чешского, сербского, гагаузского, молдавского, тайского,

финского, даргинского, черкесского и т.п. языков. Не только дефицитны лица, владеющие этими языками, но к тому же многие из этнических сообществ предпочитают жить «по понятиям» и ни в коей мере не помогают правосудию. Практически невозможно также обеспечить постоянство посещения независимыми переводчиками судебных заседаний. ВУЗы РФ готовят специалистов со знанием основных европейских языков – английского, французского, немецкого, испанского. Прочие иностранные языки экзотичны. Языки России иностранными не являются. А языки стран СНГ стали для россиян иностранными в историческом масштабе совсем недавно. По этой причине дипломированных переводчиков приведенных выше языков России и СНГ, используемых в судебной практике уголовного процесса (а также курдского, езидского, кабардинского, ассирийского, талышского, молдавского, памирского и т.п.), в паре с русским в принципе не существует. Достаточно сказать, что в Республике Дагестан существуют около 100 языков, причем все, по конституции Дагестана, являются государственными, но далеко не все имеют даже собственную письменность. Это компенсируется привлечением к работам по переводу в уголовном судопроизводстве двуязычных лиц - этнических носителей таких языков, достаточно владеющих как собственным, так и русским языком, что соответствует определению переводчика ч.1 ст.59 УПК РФ.

Для облегчения привлечения переводчиков, можно обратиться к услугам коммерческих судебно-переводческих организаций, что давно делается за рубежом и в России.

Мировой опыт демонстрирует, что трудности судебного перевода поистине являются глобальной проблемой. При этом за границей положение значительно хуже, чем в России, где миграция далеко не достигла критического уровня. Структура языков, востребованных в уголовном процессе, отличается пестротой и структурной неустойчивостью. К примеру, в Бюро переводов при районном суде Южного района Нью-Йорка за период с 1 июня 2001г. по 20 апреля 2011г. было зарегистрировано 61566 обращений за 65 языками и диалектами. Среди них число обращений за языками: испанским – 49052; китайским – 5537; русским – 1383; арабским – 1191; корейским – 595. [Перевод на французский язык](#), урду, пенджаби, иврит, пушту, албанский, сомалийский, бенгальский, португальский, турецкий, немецкий требовались от 450 до 100 раз. Языки итальянский, греческий, японский, вьетнамский, индонезийский, персидский, украинский, литовский, тайский и ряд других использовались от 100 до 1 раза. В среднем Бюро оказываются услуги устного и письменного судебного перевода 470 раз в месяц на 18 языках. На потребности в языках перевода отражаются судебная практика, межэтническая напряженность, различные события и пр. Поэтому спрос является волнообразным. Несмотря на старания переводческих агентств, проблемы этого вида перевода везде остаются: судьи с трудом находят переводчиков нужных языков, профессиональных переводчиков недостаточно или нет совсем, а имеющиеся в наличии заламывают непомерные цены. Власти развитых стран – США, Великобритании, Германии, Франции,

Канады, Португалии, Австрии, Австралии и Испании ищут способы экономии государственных расходов, в частности, на судебном переводе. В этих странах традиционно существует институт присяжных переводчиков, их профессиональные объединения, реестры и государственные аттестационные органы. Однако исследование иностранных информационных ресурсов ясно указывает на то, что институт присяжных переводчиков превратился в пережиток прошлого. Государственная правоохранительная система явно перестает без посторонней помощи справляться с растущей судебно-криминальной лингвосферой с одной стороны, и с неуправляемым множеством присяжных, аккредитованных или неаккредитованных дипломированных и не дипломированных независимых переводчиков – с другой стороны. Еще менее управляемы массы «переводчиков» - носителей языков – представителей различных этносов. Иностранные правительства во все возрастающих масштабах замещают независимых, в т.ч. «присяжных» и им подобных переводчиков теми, которых предоставляют им судебно-переводческие организации или агентства.

В Великобритании, Австрии и Испании заключаются в национальном масштабе долгосрочные (на 2 года) договоры с крупными коммерческими переводческими организациями на обслуживание всех судов регионов. При этом достигается многомиллионная экономия средств государственных бюджетов и административных ресурсов бюджетных учреждений. Весьма любопытно и поучительно, что процессу концентрации судебно-переводческих услуг за рубежом активно противятся так называемые «присяжные» и им подобные независимые переводчики, которые, в погоне за сохранением высокого уровня личных доходов, и вполне в духе луддитов времен английской промышленной революции, саботируют судебные заседания, отказываясь работать по заказам судебно-переводческих организаций. В этой связи остается порадоваться, что сторонники слепого копирования западных достижений не успели внедрить в России институт «сертифицированных», «присяжных» или «аккредитованных» переводчиков и мы не наступаем на те же грабли, которые давно поразили наших иностранных коллег.

В Российской Федерации масштабы деятельности судебно-переводческих организаций возрастают. Например, в Ростовской области они обеспечивают до 90% устных и письменных переводов, востребованных судами.

3. Требования к судебным переводчикам. Прагматический подход к проверке их компетентности

И судебно-переводческой практики в России следует, что иногда раздающиеся требования о необходимости создания для судов какого-то особого института переводчиков особо высокой специальной квалификации не имеют под собой оснований. Более того, как ни парадоксально, часто подсудимый не может понять переводчика, который значительно превосходит его по уровню культуры, что нарушает конституционное право граждан иметь равный доступ к правосудию. Переводчик часто даже должен упростить свою

речь, чтобы его поняли, т.к. юридический язык непонятен простым людям. Перевод – массовая и универсальная деятельность. В отношении таких критериев, как качество судебного перевода, компетентность переводчика и т.п., с точки зрения здравого смысла, речь идет не о совершенстве, а о разумной достаточности. Человек (подозреваемый, подсудимый) просто должен понимать, что происходит в заседании и в чем его обвиняют, как если бы это было на его родном языке. Необходимо знание переводчиком двух языков и юридического предмета перевода, причем не обязательно на уровне специалиста в юриспруденции. Для специальной подготовки судебного переводчика достаточно очень поверхностных юридических сведений, которые он может почерпнуть из популярной литературы.

С другой стороны, опасность неправосудных решений, принятых вследствие некомпетентности переводчика, не так уж велика (ни одного известного прецедента), если принять во внимание, что судебный перевод протекает не в режиме диалога в пустоте, а в условиях конференции многих лиц: судей, государственного обвинителя, свидетелей, представителей защиты, обвиняемого, экспертов и собственно переводчика. Эта конференция проходит с применением каждым ее участником так называемых «фоновых знаний» – всей суммы знаний субъектов на данный момент, - и в первую очередь, информации по существу данного уголовного дела, и всех доступных видов коммуникации (по оценкам, доля речевых средств в коммуникации людей обычно не превышает 20%). Помимо чисто языковой коммуникации, используются невербальные средства общения, равно как логика, интуиция и здравый смысл. По этой причине, несмотря на то, что любой перевод не является стопроцентно адекватным и скорее напоминает рисунок ковра, вывернутого наизнанку (по выражению Сервантеса), сообщения переводчика в судебном дискурсе понимаются, а его значительные речевые ошибки практически всегда замечаются и нейтрализуются.

Ни в одной из развитых стран мира уголовно-процессуальный закон не накладывает никаких формальных ограничений ни на личность судебного переводчика, за исключением его дееспособности, ни на уровень его образования – общего или специального. Не исключение и российский УПК.

Тем не менее, перед судьей стоит задача выполнения требования ч.2 ст.169 УПК РФ о необходимости проверки компетенции переводчика. Иными словами, судья обязан проверить наличие у переводчика должных знаний, умений, навыков и т. п. в области языкознания. Это ставит судью в положение конфликта между предъявленным к нему предписанием закона как к процессуальному лицу выступить в роли экзаменатора и его возможностями как физического лица, ограниченными, как правило, знанием только своего родного языка. Как отмечено выше, не существует возможности убедиться в компетентности переводчика путем предъявления им свидетельства о специальном профессиональном образовании, поскольку практически все переводчики являются не профессионалами, а этническими носителями языка.

Нельзя и допрашивать переводчика на предмет знания им языка, т.к. это приводит к изменению статуса переводчика в процессе.

Без сотрудничества судов с [судебно-переводческой организацией](#) (СПО), которая может взять на себя бремя подбора, подготовки судебных переводчиков и ответственность за них, описанная выше конфликтная процессуальная ситуация становится неразрешимой. СПО выдают служебные удостоверения направляемым ими в судебные заседания переводчикам. На практике достаточным доказательством компетенции переводчика является копия такого удостоверения, приобщаемая судьей к материалам уголовного дела.

Правосубъектность переводчика можно в первом приближении установить как производную от его потенциальной делинквентности.

Прежде всего, речь идет о тайне следствия и судопроизводства, которая становится известна переводчику. «Данные предварительного расследования не подлежат разглашению... Данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается» (ч. 1, 3 ст. 161 УПК РФ). Тайна следствия должна защищать законные права и интересы граждан, причастных к уголовному производству, т.к. по Конституции РФ никто не может быть назван виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда. Таким образом, тайна следствия на любой стадии уголовного процесса является важным условием обеспечения конституционных прав граждан.

Часто судебному переводчику доступны и иные виды конфиденциальной информации, установленные Указом Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» (в ред. от 23.09.2005): персональные данные граждан, служебная тайна, профессиональная тайна, коммерческая тайна, тайна профессиональной деятельности и т.д.

Легко представить себе последствия разглашения конфиденциальных данных недобросовестным судебным переводчиком. Например, исполнитель письменного перевода поручения о международной правовой помощи может предупредить о намерениях следствия лицо, подлежащее допросу или задержанию за границей Российской Федерации.

Судья предупреждает в установленном законом порядке переводчика о недопустимости разглашения им следственных данных в смысле ч. 1, 3 ст. 161 УПК РФ, и об уголовной ответственности за их разглашение на основании ст. 310 УК РФ. Переводчик предупреждается также надлежащим образом об уголовной ответственности за заведомо ложный перевод.

Оба эти процессуальные действия имеют смысл только в отношении переводчиков, личность и место жительства которых установлены, и таких, которые имеют трудовые отношения с надежной подрядной переводческой организацией, несущей за них ответственность. Даже в случае установления

факта неправильного перевода, доказать его преднамеренность крайне трудно. Намного целесообразнее иметь дело с квалифицированным добросовестным специалистом, переводящим правильно.

В эпоху глобализации многие письменные переводы заказываются фирмами у независимых переводчиков («фрилансеров»), проживающих в других городах России или за границей. Избежать или запретить это невозможно. Удаленным переводчикам, в особенности не гражданам России, не могут быть разъяснены обязанности, предусмотренные ст. 59,161 и 169 УПК РФ. Нельзя и предупредить их об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за заведомо неправильный перевод при производстве процессуальных действий. В таком случае вся ответственность, в том числе материальная, за возможные последствия нарушений уголовно-процессуального закона РФ должна возлагаться непосредственно на судебно-переводческую фирму, сотрудником которой является переводчик.

Недопустимая личная заинтересованность переводчика вполне может иметь место, особенно в случае недостаточной оплаты его труда или привлечения в качестве переводчиков в процесс случайных непроверенных людей.

В этом случае недобросовестный переводчик, переговоры которого с подсудимым (подозреваемым, обвиняемым, свидетелями и т.п.) больше никто не понимает, может нанести поистине непоправимый вред правосудию путем оказания влияния на подсудимого, передачи неразрешенной информации и т.д. Здесь также важна ответственность переводческой фирмы за предоставленного переводчика.

Проистекающие из сказанного юридические и деонтологические требования, предъявляемые к работе и поведению судебного переводчика, и его права сформулированы ниже:

1. Конфиденциальность. Переводчик хранит в тайне и не разглашает ставшую ему известной из уголовного процесса информацию. При необходимости, он гарантирует это сторонам процесса. Переводчик не передает лицу, производящему допрос, и иным лицам, информацию о допрашиваемом, которая стала ему известна из иных источников (вне допроса, - например, о правдивости или недостоверности показаний подозреваемого. Аналогично, переводчик не передает допрашиваемому лицу информацию о допрашивающем, ставшую ему известной иным образом.

2. Нейтралитет. Переводчик заботится только о качестве перевода, не обращая внимания на позиции сторон. В противном случае стороны могут дать ему отвод. Переводчик не отдает предпочтения ни одной из сторон процесса. Он обеспечивает им свободное выражение, не выражая своего мнения ни прямо, ни косвенно. Переводчик не обсуждает с одной стороной другую сторону, давая ей унижительные или насмешливые характеристики, не выражает жестах или мимикой своего неодобрения высказываний одной из сторон. Переводчик оповещает другую сторону, если он может оказаться под влиянием высказываний противоположной стороны, которые нарушили бы

его нейтралитет (из стыда, страха и т.п.). В этом случае назначается другой переводчик.

Отвод переводчика производится при сомнении в его беспристрастности, например, если он состоит в дружеских или родственных связях с допрашиваемым, является его уполномоченным представителем, был или находится в служебных или иных близких отношениях с ним или со связанными с ним лицами или организациями.

3. Точность и полнота перевода. Переводчик старается перевести высказывания точно и полно, а по возможности также передать эмоции и культурные отношения. Переводчик не искажает и не дает личных оценок переводимым высказываниям. Он объясняет собеседнику значение невербальных средств коммуникации, которые были использованы, если они имеют значение для смысла высказываний, воздерживаясь от роли эксперта и от оценок достоверности высказываний сторон. Переводчик передает, в том числе, неприятные для него высказывания – ругательства, нецензурные и кощунственные выражения и т.п. Не обязательно при этом воспроизводить фонетические подчеркивания или эмоциональные оттенки речи. Переводчик старается сохранять выбранный участником процесса стиль высказываний: формальный, неформальный); при затруднении понимания просит повторить фразу. Переводчик предупреждает говорящего об отсутствии эквивалентов перевода его высказываний с тем, чтобы он видоизменил их.

4. Профессионализм. Переводчик обязан знать границы своей роли (статуса) и не преступать их, информировать о них остальных участников процесса, не вмешиваться в беседу и не принимать на себя чужие функции: допрашивающего, секретаря и т.п.), не допускать личных комментариев и мнений при переводе, не отвлекаться (например, на телефонные разговоры), работать только в рамках своей компетенции, сообщать допрашивающему, если его компетенции не хватает, готовиться к работе надлежащим образом. Переводчик может потребовать предоставления нужной ему информации по делу, указывать на допущенные им самим ошибки в рамках самоконтроля.

5. Тактичное поведение. Переводчик ведет себя тактично по отношению к прочим участникам процесса для поддержания уважительной обстановки. Например, не смеется при допрашиваемом без объяснения причины.

4. Гражданско-правовые отношения, возникающие при оплате услуг судебных переводчиков

При оплате судебных издержек на производство судебного перевода в правовые взаимоотношения вступают два субъекта с правоспособностью юридических лиц, которых не знает действующий уголовно-процессуальный закон: судебно-переводческие организации (СПО) - субъекты права, концентрирующие переводческие и смежные с ними услуги для правоохранительной системы и Управления судебного департамента (УСД) – инструменты организационного и материально-технического обеспечения деятельности судов и органов судейского сообщества. Взаимодействие судов с этими субъектами права при осуществлении судебного перевода возможно в двух вариантах:

а) судья выносит постановление, а суд – определение (ч.2 ст.59 УПК РФ) о привлечении переводчика из числа сотрудников определенной СПО. По окончании уголовного процесса, судья выносит постановление в адрес УСД об оплате СПО судебных издержек, покрывающих затраты СПО на переводческое обслуживание суда по данному уголовному делу.

б) договорные отношения, в которых суд выступает в роли заказчика, УСД – плательщика, а СПО – исполнителя работ (услуг) по переводу.

Вариант (б) предполагает комплект типовых процессуальных и гражданско-правовых документов:

- первичным документом является постановление (определение) судьи о назначении переводчика из числа сотрудников СПО. Постановление направляется в СПО и в УСД;

- на основании вышеуказанного постановления заключается договор между СПО и Плательщиком - УСД). С целью экономии времени на оформление договоров, УСД может заключать с СПО рамочный договор (соглашение), например, на 1 год. Договор может быть 3-сторонним: Заказчик-Плательщик-Исполнитель;

- по окончании производства работ (услуг) по переводу, судья выносит постановление об оплате услуг переводчика, предоставленных СПО. Постановление направляется в СПО и в УСД. СПО представляет УСД счет на оплату и акт выполненных работ.

В обоснование применяемых цен, СПО может предложить Заказчику: 1) собственный прайс-лист; 2) сослаться на прайс-листы правоохранительных органов (см., например, «Предельные рекомендуемые размеры оплаты услуг по письменному и устному переводу с иностранных языков на русский язык и с русского языка на иностранные языки», - приложение к информационному письму СКП при Прокуратуре РФ от 30.02.2008г. № 229-7115-08.); 3) воспользоваться, прайс-листами иных организаций, например, Торгово-промышленной палаты Таганрога или Краснодарского края; 4) сослаться на не утвержденный пока проект «Положения о порядке и размерах возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации». В последних трех случаях стоимость одного часа работы устного переводчика варьируется в пределах 500 – 1500руб., письменного перевода одной страницы текста (1800 знаков с пробелами) – 400 – 700 руб., за некоторыми исключениями относительно особо сложных языков типа тайского и кхмерского.

Исходя из номенклатуры востребованных в практике языков, можно рекомендовать судам сотрудничать только с такими судебно-переводческими организациями, которые работают с востребованными в уголовном процессе языками (не иностранными), и производят все виды судебного перевода:

-устный перевод в судебных заседаниях;

-письменный перевод процессуальных документов (постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных заключений, приговоров, протоколов судебных заседаний, заключений экспертизы и т.п.);

-письменный перевод ПТП - результата ОРМ (может осуществляться в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» N 144-ФЗ).

Особенно целесообразным является совмещение в одной подрядной организации услуг криминалистической экспертизы и судебного перевода. Например, часто встречается необходимость одновременного перевода звуковых файлов, полученных в результате ОРМ, и их аудио-фоноскопической экспертизы, устанавливающей наличие или отсутствие не ситуационных изменений в полученных фонограммах, принадлежность голосов и т.д.

5. Проблемы судебного перевода, связанные с личностью переводчика и языками судебного перевода, и их практическое разрешение

Статья 6.1 УПК РФ устанавливает разумный срок уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

При определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Из практики видно, что основные негативные последствия проблем перевода при уголовном производстве в судах связаны именно с нарушением требований Статьи 6.1 УПК РФ. Затягивание сроков рассмотрения уголовных дел обычно связано с затруднениями при поиске переводчика необходимого языка и обеспечении его явки в судебные заседания, определении компетентности переводчика и с борьбой с возможными попытками подсудимых неосновательно оспорить компетентность переводчика, т.е. злоупотребить своим правом, либо удалить переводчика из процесса путем угроз или давления со стороны третьих лиц и т.п.

Выше в настоящих методических рекомендациях предложено решать первые две задачи путем обращения к судебной-переводческой организации, которая, с целью безусловного исполнения заказа суда на предоставление переводчика того или иного языка, должна не только оперативно предоставить

переводчика, но и всесторонне оценить привходящие обстоятельства – «подводные камни» - такого заказа и принять необходимые меры.

Например, в случае цыганского и дагестанских языков следует определить диалект, которым владеет подсудимый, и подобрать соответствующего переводчика, поскольку в этих языках диалекты значительно отличаются друг от друга и от литературной нормы языка, если она вообще существует. И наоборот, СПО обязана, по запросу судьи, аргументированно опровергнуть возникающие в процессе ложные утверждения относительно диалектов (типа наличия «большой разницы» в речи чеченцев, живущих в горах, от речи тех, которые живут на равнине, и т.п.).

Обращаясь в этой связи к судебной практике, следует упомянуть результат рассмотрения Конституционным судом РФ в 2006 году жалобы гражданина М.В. Череповского на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 18 УПК РФ (отказ в удовлетворении ходатайства о предоставлении переводчика). Конституционный Суд Российской Федерации (далее КС РФ), изучив представленные М.В. Череповским материалы, не нашел оснований для принятия его жалобы к рассмотрению. Одновременно своим определением от 20 июня 2006 г. N 243-О КС РФ установил, что необходимость обеспечения обвиняемому права на пользование родным языком в условиях ведения уголовного судопроизводства на русском языке не исключает того, что законодатель вправе установить с учетом положений ст. 17 ч. 3 Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, такие условия и порядок реализации данного права, чтобы они не препятствовали разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, а также защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства. В свою очередь, органы предварительного расследования, прокурор и суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом.

Примерами подобного злоупотребления правом будут утверждения: о существовании непрозрачных друг для друга наречий армяно- и грузино-езидского языка (курманджи); о не тождественности молдавского и румынского языков; о существовании кара-махинского диалекта даргинского языка (по названию селения Кара-Махи в Дагестане) и т.п. В этих и иных подобных случаях судебно-переводческая организация была вынуждена истребовать и предъявить заказчику официальные заключения специалистов в данном направлении лингвистической науки, которые опровергли попытки злоупотребления правом.

К анекдотическим примерам шарлатанства лиц, ходатайствующих о предоставлении им переводчика в уголовном процессе, и беспомощности перед ними органов юстиции относится дело 1998-2000 годов полуграмотной цыганки Сары Оглы. Более двух лет суды Мордовии не могли вынести ей

приговор, т.к. не находили переводчика с крымско-цыганского языка. Дело осложнилось сомнительным заключением Института языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовии, которое гласило, что обвинительное заключение цыганке невозможно написать на цыганском языке, поскольку письменности у кочевого народа нет, а передать юридические термины средствами кириллицы невозможно. В результате следствие переквалифицировало статью «Сбыт поддельных билетов в крупных размерах» на просто «Сбыт». Тут же обвиняемая начала понимать русский язык, заявив, что «ей все ясно без переводчика», она получила условный срок и была освобождена по амнистии.

В 2010 году в одной из сибирских областей расследовалось уголовное дело по обвинению лица ингушской национальности по ст. 228 УК РФ. Семнадцать потенциальных переводчиков исчезли из поля зрения после первой встречи с обвиняемым. Оказывается, обвиняемый опознавал переводчиков и просил их старших родственников убрать их из процесса с целью его затягивания, что родственники переводчика исполняли. С задачей перевода справился переводчик, приглашенный органом следствия из удаленной судебно-переводческой организации. Иногда в таких случаях приходится применять к переводчику методы защиты участников уголовного процесса в соответствии с действующим законодательством РФ (Указом Президента РФ от 23.09.2005 N 1111 и Законом от 20.08.2004 N 119-ФЗ), а именно: сохранение в тайне подлинного имени и фамилии переводчика, предотвращение его портретного опознания заинтересованными лицами, его постоянную охрану и т.д.

С проблемами диалектов и круговой порукой лиц, привлекаемых в качестве переводчиков, приходится сталкиваться и при работе с языками стран СНГ.

Проживающие в пределах Грузии мегрелы и сваны используют собственные национальные языки, которые сильно отличаются от грузинского языка. Поиски соответствующего переводчика среди лиц грузинской национальности, как правило, к успеху не приводит. При отказе чаще всего можно услышать, что мегрелы все до одного говорят на грузинском языке. На самом деле у мегрелов есть и язык, и письменность, причем к Грузии они могут не иметь никакого отношения. Похожая ситуация складывается и со сванским языком.

На территории Таджикистана, большое число граждан которого в качестве мигрантов проживает в России, существует обособленная горная местность со столицей в городе Хорог, население которой говорит не на таджикском, а на шугнанском языке из группы памирских языков. Найти переводчика – носителя этого языка – для участия в уголовном процессе очень трудно из-за относительной малочисленности и тесных родственных связей почти всех памирцев. Если подсудимый или обвиняемый – таджикский памирец – ходатайствует о предоставлении ему переводчика с шугнанского языка, рекомендуется доказать его знание таджикского языка (учеба в школе, где преподавание ведется только на таджикском языке, и т.п.) и ограничиться

предоставлением таджикского переводчика. Такой подход можно применять и в иных аналогичных случаях.

При рассмотрении в Темрюкском районном суде Краснодарского края уголовного дела в отношении Алимурادова Р., судебно-переводческой организацией для участия в процессе был направлен переводчик даргинского языка – этнический даргинец. Этого переводчика сразу опознал подсудимый Алимуратов и его родственники оказали на него моральное давление. В результате после первого же перерыва судебного заседания переводчик просто не вернулся в зал. После оперативной замены переводчика, защитники подсудимого принялись оказывать моральное давление на другого переводчика и необоснованно обвинять его в некомпетентности. По указанным причинам суду приходилось откладывать рассмотрение уголовного дела на более поздние сроки и тратить время на опровержение инсинуаций защиты, что негативно сказалось, в свою очередь, на сроках рассмотрения дела и влекло за собой нарушение прав участников уголовного судопроизводства на разумные сроки рассмотрения уголовного дела, предусмотренные ст. 6.1 УПК РФ.

Несмотря на серьезность приведённых выше затруднений, суды в сотрудничестве с судебно-переводческими организациями, в частности, с нашей экспертно-переводческой компанией, успешно с ними справляются.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Винников А.В. О привлечении переводчиков в судебный процесс. – ж. «Судья» , № 6//2012, с.50-54.
2. Винников А.В. Этническая преступность и проблемы национального языка судопроизводства. – «Профессионал», популярно-правовой альманах МВД России, №3(107), 2012г., с.30-35.
3. Винников А.В. Особенности судебного перевода с цыганского языка. – ж. Уголовный процесс, №6, 2012г., с.48-51.
4. Винников А. В. Судебный перевод и судебно-переводческие организации. - «Российский юридический журнал» №2/2012 стр. 167-174.
5. Винников А.В. Языки этнических криминальных групп (цыганские, кавказские и пр.) в уголовной практике ФСКН России. Проблема компетентности переводчиков.- «Вестник Сибирского юридического института ФСКН России». №1(10), 2012г., с.187-197.
6. Винников А.В. Практические аспекты участия переводчика в уголовном процессе.- «Уголовный процесс», №1. 2012г., с.60-66.
7. Винников А.В. Проблематика и практика судебного перевода цыганского языка по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков. -"Наркоконтроль" №1 2012, стр. 31 - 33.
8. Винников А.В., Назаренко С.А. Конфликтология перевода в уголовном процессе и официального перевода документов. <http://otkrmir.ru/konf/>

<http://otkrmir.ru/uslugi-perevoda/sudebnyy-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe/>